

Диалектика интеграции

Концептуальные основания и геостратегические приоритеты участия Беларуси в трансконтинентальных объединительных процессах



Илья ЛЕВЯШ,
доктор философских наук

Идея «интеграции интеграций», впервые выдвинутая в статье А. Лукашенко «О судьбах нашей интеграции», опубликованной в газете «Известия» в 2011 году вслед за статьей В. Путина «Новый интеграционный проект для Евразии», – это очевидный неологизм и в концептуальном отношении, и в практической политике. Однако смысл этой идеи не получил, как представляется, адекватного резонанса среди политических элит и экспертных сообществ наших государств.

По-прежнему речь идет о двух относительно независимых региональных, но не трансконтинентальных интеграционных процессах, носящих достаточно драматический характер в формате Евросоюза и вялотекущих в различных форматах СНГ. Такой традиционный подход – свидетельство в лучшем случае недооценки (или непонимания) глубинной сути явлений, происходящих в современном мире и требующих обновления геостратегических смыслов и ориентиров Рес-

публики Беларусь, ее союзников и партнеров.

Президент России В. Путин в названной программной статье отметил «ложную развилку» в ориентациях некоторых соседних государств (прежде всего – Украины) и констатировал европейский контекст евразийской интеграции. Он подчеркнул, что действующие структуры СНГ, как и проектируемый Евразийский союз, будут «...строиться на универсальных интеграционных принципах как неотъемлемая часть Большой Европы, объединенной едиными ценностями свободы, демократии и рыночных законов». Следование этим ценностям «...позволит каждому из его участников быстрее и на более сильных позициях интегрироваться в Европу» [1].

В свою очередь, в статье «О судьбах нашей интеграции» А. Лукашенко также обратил внимание на то, что «...в создании Евразийского союза не следует усматривать попытку некоего раздела Европы... Евразийский союз я вижу как неотъемлемую часть общеевропейской интеграции... Мы предлагаем «интеграцию интеграций» [2].

В таком же стратегическом ключе Президент нашей страны заявил на юбилейных торжествах в Полоцке 25 мая 2012 года:

ОБ АВТОРЕ

ЛЕВЯШ Илья Яковлевич.

Родился в 1937 году. В 1960 году окончил Одесский государственный университет имени И.И. Мечникова. В 1968 году защитил кандидатскую диссертацию по философии в Институте философии АН СССР.

В 1960–2008 годах работал старшим преподавателем, доцентом, профессором в различных учреждениях образования Беларуси, России и Украины. В 1979–1982 годах – заведующий кафедрой философии Николаевского кораблестроительного института. В 1999–2001 годах – заведующий кафедрой культурологии Минского лингвистического университета. С 2009 года – главный научный сотрудник Института экономики НАН Беларуси, с 2011 года – главный научный сотрудник Института философии НАН Беларуси.

Доктор философских наук (1977), профессор (1979).

Опубликовал более 200 научных работ, свыше двух десятков монографий.

Сфера научных интересов: постдисциплинарное знание как синтез социальной философии, политологии, культурологии, глобалистики, геополитики, регионалистики, философии образования.

«Беларусь – это не задворки Европы, а врата в Евразию, ключ к практическому воплощению идеи интеграции интеграций. Ведь объединение потенциалов Европейского и Евразийского союзов позволит создать совершенно новые возможности для динамичного развития и всестороннего сотрудничества... Именно в продвижении этой идеи мы видим важнейшую миссию и геополитическую роль нашего государства как связующего звена» [3].

Таким образом, «осевая» идея Президента Беларуси заключается в «интеграции интеграций», т.е. привилегированного партнерства как фундаментального условия плодотворной синергии двух интегративных процессов – союзов европейского и евразийского, основанных на общности интересов и ценностей вовлеченных в них государств. Это действительно инновационная формула общеевропейской интеграции, выражающая исторически уникальную тенденцию нашего времени. (Автор этой статьи посвятил постижению ее смысла и структуры ряд работ [4].)

Каков же конкретно-исторический глобальный и региональный контекст этой инициативы?

Векторы и приоритеты: соотношение понятий

Характеризуя реальную субъектность основных внешнеполитических векторов Республики Беларусь, А. Лукашенко подчеркнул: «Мы выбираем не Восток и Запад или же Восток или Запад – мы выбираем Беларусь, которая в силу экономики, в силу истории, в силу географии, в силу культуры и менталитета будет и на Востоке, и на Западе» [5]. Вместе с тем Президент в статье обратил внимание, что Россия впервые за многие годы недвусмысленно заявила о приоритете отношений с государствами, с которыми, перефразируя классика, вышла из общей советской шинели. «Но приоритеты – принципиально другое. Это дорогого стоит. За словами статьи – стратегия. Правильная стратегия» [2].

Таким образом, у России (и Беларуси) есть и будут различные векторы внешней политики, но приоритеты более однозначны и центрированы. Они означают исторический выбор на основе органического триединства культурно-цивилизационных,

геополитических и геоэкономических оснований.

Предваряя изложение сути официальных российских и белорусских приоритетов, отметим, что они не даны автоматически, а выработаны в жесткой интеллектуально-политической дискуссии и имеют влиятельных оппонентов. Так, антиевропейский и неоиimperский пафос идеолога неоевразийства А. Дугина венчается дилеммой амбициозной и ущербной одновременно: либо Россия «включит в себя Европу», и тогда можно великодушно счесть ее уже не «альтернативной», а доминирующей русоцентричной Европой, либо, говоря словами А. Блока, «мы повернемся к вам своею азиатской рожей». Дугин вдохновлен «волей наших народов к воссозданию великой империи». Понятно, перед такими откровениями «останавливаются в почтительном недоумении и дивятся народы» (Ф. Достоевский).

Против европейской ориентации России и Беларуси выступают и некоторые белорусские авторы. Их приоритет понятен: «В свете белорусско-китайского стратегического партнерства в контексте евразийской интеграции попытки так называемых «европоидов» навязать нашему народу некий путь «в Европу» не только несостоятельны, но прямо-таки губительны для Беларуси» [6, с. 32].

Не менее категорична и безоглядно проевропейская позиция известных оппозиционных политиков. Например, в интервью газете «Белорусы и рынок» лидер движения «За свободу» А. Милинкевич заявил: «Кто может быть партнером? Китай, Венесуэла, Россия? ...Евразийский союз – не наш проект... Мы не евразийцы, мы – европейцы» [7]. Но если мы только европейцы, а не евразийцы, то это историческое беспамятство. Доктор исторических наук Б. Лепешко отмечает, что «мы, белорусы, имеем прямое отношение» к Российской империи, начиная с Северной войны 1721 года» [8, с. 21]. Мы также имеем «прямое отношение» к крупномасштабным и влиятельным евразийским структурам – Союзному государству, Таможенному союзу и ЕЭП.

Как заметил Гегель в «Философии права», «удивляют, прежде всего, тон и претензии, которые при этом обнаруживаются, как будто миру не доставало только этих ревностных распространителей истин...

и мы обязаны приветствовать их именно в наше время» [9, с. 45–46]. В противовес таким подходам есть резон кратко воспроизвести адекватные смыслы приоритетов Российской Федерации и Республики Беларусь.

Европейские приоритеты России и Беларуси: судьба и выбор

В обозначенном контексте поучительна крайне скупо и предвзято представленная в литературе политическая философия Н. Макиавелли (1469–1527), его в общем известный, хотя и не вполне понятый трактат «Государь». Итальянский мыслитель впервые представил судьбу человека как отчасти автономную от Божественного промысла, а самого человека – способным осознавать обстоятельства жизни и во многом властвовать над ними. «Ради того, – писал он, – чтобы не утратить свободу воли, может быть, судьба и распоряжается лишь половиной наших дел, другую же половину, или около того, она предоставляет самим людям» [10, с. 211]. Более того, «судьба послала им только случай, то есть снабдила материалом, которому можно придать любую форму» [10, с. 259]. Эти идеи развил Гегель в своей «Науке логики»: «Действительность – это единство сущности и существования». Существование того или иного субъекта трактуется классиком диалектики как зависимое от реальности (позднее лидер евразийства П. Савицкий назвал последнюю конкретно-историческим «месторазвитием»), а сущность определяется «природой вещей».

С этих позиций уместно определять соотношение векторов и приоритетов в обсуждаемой проблеме. Наше общее с Россией евразийство – это судьба, совокупность конкретно-исторических обстоятельств, и чем больше векторов деятельности определяют субъекты, тем лучше. Совсем иное дело – их приоритеты.

Если речь идет об исторически выработанных (и выстраданных) приоритетах России, то они четко выявились, начиная с Петра Великого, в его судьбоносной для страны акции – «прорубании» «окна в Европу». С тех пор Россия, не забывая про свои восточный и южный векторы, не только дважды буквально спасала Европу от тира-

нии (Наполеон) и тоталитаризма (нацизм), но и прочно вросла в общеевропейскую историю и современность как влиятельный фактор их геополитики и экономики, и в особенности – одной из величайших в мире духовной культуры.

В Брюсселе хорошо бы усвоить, что, по словам Иоанна Павла II, «европейскую культуру создавали мученики трех первых столетий, ее создавали также мученики на востоке от нас...» [11, с. 411]. «Ни Россия в будущем, – писал он, – не сможет жить без Европы, ни Европа без России». Великий философ и пророк Ф. Ницше и вовсе утверждал, что «мы нуждаемся в безусловном сближении с Россией и в новой общей программе» [12, с. 42–43].

Даже гении, венчающие российский Олимп, не сразу освоили эту действительно трудную диалектику соотношения существования и сущности. Так, русский Екклесиаст Ф. Достоевский вначале писал: «Россия не в одной только Европе, но и в Азии: потому что русский не только европеец, но и азиат». Однако зрелый Достоевский, по самоназванию – «русский европеец», уже утверждал: «Русскому Европа так же драгоценна, как и Россия: каждый камень в ней мил и дорог. Европа так же была отечеством нашим, как и Россия» [13, с. 377]. В своей Пушкинской речи мыслитель констатировал: «Для настоящего русского Европа и удел всего Арийского племени так же дороги, как и сама Россия» [14, с. 119]. Более того, он выразил надежду, что «русская идея, может быть, будет синтезом всех тех идей, которые с таким упорством, с таким мужеством развивает Европа в своих национальностях» [15].

Остается воспроизвести дух и повторить букву «Наказа» Екатерины II: «Россия есть держава европейская, русский народ есть народ европейский; то, что придало ему черты неевропейского народа, было временно и случайно». Характерно, что такая оценка была дана человеком, воспитанным в центре Европы и имеющим возможность для сравнения. Рожденная немкой, она была подлинно русским державным деятелем, сохраняя и развивая наследие Петра Великого. Императрица, которая состояла в переписке с известными лидерами французского Просвещения, явно рассуждала в категориях различий между существованием и сущностью России.

В этом контексте объективное противоречие между цивилизационной «почвой» и европейской культурной «солью» России предполагает осознанный и последовательный выбор между разными по объему и смыслу содержанием и сущностью, векторами и приоритетами. Включая в себя Азию, Россия причастна к ней, способна к ее пониманию, а также сотрудничеству с государствами АТР в осуществлении крупномасштабных проектов именно как Европа. Как культурный субъект, Россия – даст простят игру слов – не азиатская, а европейская Евразия, и в этом качестве относится к Европе, говоря в гегелевских терминах, как к «своему-другому» [16, с. 389–396].

В доглобальном мире Россия действительно была самодостаточна. Сознает ли новая Россия необходимость радикальной смены парадигмы? Каким потенциалом она для этого располагает? Симптоматична с этой точки зрения беседа Д. Медведева и Н. Саркози в 2008 году. Первый в духе примата пространственной логики классической геополитики заметил, что Франция – это всего лишь шестая часть территории Сибири. Второй же резонно возразил: «Вся проблема в том, что вы определяете свое могущество и влияние размерами государства».

ГДЕ КУПИТЬ ЖУРНАЛ?

АДРЕСА МАГАЗИНОВ И КИОСКОВ «БЕЛСОЮЗПЕЧАТИ» В МИНСКЕ, ГДЕ ПРОДАЕТСЯ ЖУРНАЛ «БЕЛАРУСКАЯ ДУМКА»:

Автовокзал «Восточный»	Ул. К. Маркса, 1	Пр. Победителей, 91
Автовокзал «Центральный»	Ул. К. Маркса, 21	Пл. Привокзальная, 3
Ул. Богдановича (около станции метро)	Ул. К. Маркса, 38	Ул. Притыцкого, 101А
Ул. Володарского, 16	Ул. Московская, 16	Пр. Пушкина, 77
Ул. Володарского, 22	Ул. Московская, 17	Ул. Рафиева, 61
Ул. Есенина, 16	Нац. аэропорт Минск	Ул. Рафиева, 62
Ул. Жилуновича, 31	Пр. Независимости, 8	Пр. Рокоссовского, 140
Ул. Жуковского, 5/1	Пр. Независимости, 10	Ул. Славинского, 37А
Ул. Жуковского, 10А	Пр. Независимости, 19	Ул. Советская, 11
Ул. Запорожская, 22	Пр. Независимости, 38	Ст. метро «Пл. Победы»
Ул. Кижеватова, 80/1	Пр. Независимости, 44	Ст. метро «Пушкинская»
Ул. Я. Коласа, 67	Пр. Независимости, 48	Ст. метро «Уручье»
Ул. Ленина, 14	Пр. Независимости, 74	Торг. центр «Столица»
Ул. Ленина, 15	Пр. Независимости, 98	Ул. М. Танка, 16
Ул. Ленина, 18	Ул. Некрасова, 35	Ул. В. Хоружей, 24/2
	Пр. Партизанский, 56	Бул. Шевченко, 7
	Пр. Победителей, 51/1	

В бытность президентом Д. Медведев в известной статье-обращении под названием «Россия, вперед!» заявил, что она, «вне всякого сомнения, великая страна. Мы действительно велики и своей историей, и своей территорией... Страна, имеющая тысячелетнюю историю, занимающая шестую часть суши, не может не быть великой по определению. И в прямом, и в переносном смысле этого слова. Но этим величием нельзя упиваться».

По сути, в этих словах бесспорна лишь последняя фраза. Тысячелетняя история и географические масштабы – это высокая вероятность величия страны, но еще не его реальность, и Россия, как и любая другая страна, на величие вовсе не обречена. И автор обращения далее признал, что «на уровне глобальных экономических процессов влияние России, прямо скажем, не так велико, как нам бы хотелось».

Это особенно очевидно для различных состояний России: еще доглобального и нынешнего, когда сравнения приходится проводить уже не с показателями ветхорежимного 1913 года, а с достижениями наиболее конкурентоспособных стран. Соответствующая статистика из независимых источников различается несущественно. На Россию приходится 2,4 % мирового населения, 3,0 % мирового ВВП и 2,5 % экспортных потоков. По другой оценке, российский ВВП составляет 2,5 % мирового [17, с. 5; 18]. Самая большая по территории страна занимает 74-е место в мире по валовому продукту на душу населения и не только отстает от большинства стран Западной Европы, но и ставит целью равняться на ее провинцию – Португалию.

Некогда Ф. Ницше заметил: «Мы растем, но не развиваемся». По мнению многих, нынешнее состояние российского общества и государства характеризуется не самым оптимистическим определением «стабильность без развития». В своих предвыборных статьях В. Путин изложил стратегическую программу реформ в направлении действительного развития России, и новый 6-летний срок его президентства должен быть посвящен ее осуществлению. Но достаточно ли этой короткой дистанции для реализации такой полномасштабной стратегии? Кроме того, просматривается ли по мере ее воплощения модель действительной модернизации?

Россия существует не в вакууме, а «на семи ветрах» глобальной конкуренции и прочно «зажата» между двумя новыми и мощными субъектами, сформировавшимися за постсоветское время. На европейском Западе она граничит с объединенным в Евросоюз субконтинентом с 493 млн жителей, обладающим региональным валовым продуктом в 14,3 трлн долларов и 17,3 % мирового экспорта. Примерно 82 млн немцев поставляют на внешние рынки столько же продукции, сколько 270 млн американцев [19, с. 142]. Научно-технический потенциал Европы довольно высок, а абсолютные объемы инвестиций в НИОКР западноевропейских стран составляют $\frac{1}{3}$ всех подобных инвестиций стран ОЭСР [20, с. 60; 21, с. 417].

Степень доверия России к Евросоюзу выражается в таком интегральном показателе, как ее переориентация с доллара на евро. 41 % всех валютных резервов этой страны хранится в евро, и европейская валюта составляет 45 % бивалютной корзины, установленной Центробанком РФ [19].

Хорошо известен российско-европейский тандем в области поставок энергоносителей. На данном этапе такое положение по понятным причинам безальтернативно, но в перспективе модернизационного прорыва России предполагается кардинальная диверсификация ее партнерства с Европой в синергии процесса модернизации – освоения европейских инновационных технологий, упрочения стратегии социального государства, формирования «общества знаний», реализации совместных научно-образовательных программ и т.п.

В свою очередь, на Новом Востоке Россия взаимодействует, прежде всего, с Китаем. Сбылись пророческие слова Наполеона о Поднебесной: «Там лежит гигант. Пусть спит. Когда он проснется, он потрясет мир» [22, с. 230]. В демографическом аспекте Китай – действительно гигант с населением в 1,3 млрд человек, т.е. почти втрое больше Евросоюза. Но его ВВП в 2,9 трлн долларов (впрочем, быстрорастущий) почти в 5 раз меньше евросоюзного, и, снискав славу «всемирной фабрики», страна обеспечивает 8,3 % мирового экспорта, т.е. вдвое меньше ЕС.

Руководство Китая полагает свою страну самодостаточной и принципиально против любых стратегических союзов. Поэтому,

не говоря уже о разных культурно-цивилизационных типах, с Китаем необходимо тесное сотрудничество, но невозможна интеграция.

В отличие от сложившегося инварианта взаимоотношений с США, почти независимого от «смены караула» в Вашингтоне, взаимодействие с Китаем – это динамичные альтернативы. Ныне находящийся на *mainstream*'е китайский гигант стал глобальной, а для России – и евразийской проблемой. Дэн Сяопин как-то, принимая российских дипломатов, на их вопрос: «Не будет ли в перспективе усиления напряженности между Россией и Китаем?» – ответил: «Если вы будете сильными, не будет». Характерно, что, когда автор этих строк предложил прокомментировать это заявление авторитетным китайским экспертам – участникам Международной конференции по Синьхайской революции (Минск, 2011), они политкорректно затруднились с ответом. Не случайно сегодня в ходу такая геополитическая притча: к середине XXI века в Евразии воцарится мир, и только изредка по ночам обывателей будут беспокоить редкие выстрелы... на германо-китайской границе.

Если геостратегическая ориентация двуглавого российского орла на Новый Восток плодотворна в таких аспектах, как междивизиационные коммуникации и геоэкономическое сотрудничество, но чревата избыточной геостратегической неопределенностью, то уже несамодостаточная, но избравшая европейский приоритет Россия вполне может стать полноценным субъектом *smart power* евразийской разновальной и разноскоростной интеграции в пространстве СНГ, с одной стороны, а с другой – «интеграции интеграций» с Евросоюзом.

В этом аспекте стоит вновь подчеркнуть: «Россия есть держава европейская» (Екатерина II), а значит, органически связанная исторической судьбой и современными приоритетами с назревшей в условиях глобализации и реструктурирования мировых центров силы и влияния объективной тенденцией к строительству общеевропейского Дома. Вполне закономерно, что российские приоритеты сформировались и кристаллизовались как результирующая общности базовых интересов и ценностей всех партнеров и союзников по евразийской инте-

грации и во многом – под влиянием нашей страны. В свою очередь, «мы выбираем Беларусь», и наш суверенитет непоколебим, но его надежность во многом обусловлена совпадением приоритетов Российской Федерации и Республики Беларусь.

Многомерные векторы нашей страны в современном мире хорошо известны, хотя и неравновесны, – от крепнущих экономических взаимосвязей с Китаем и Индией до расширяющегося сотрудничества с Ираном, Венесуэлой и ЮАР. Вместе с тем заметная роль России в обеспечении экономического здоровья Беларуси подтверждается совокупными показателями. Основными торговыми партнерами Беларуси в 2011 году являлись (в %): Россия – 44 всего объема внешнего товарооборота, Нидерланды – 7,1, Украина – 7, Германия – 5,1, Англия – 3,7, Китай – 3,2, Польша – 2,9, Бразилия – 2,2, Венесуэла – 1,6, Италия – 1,6 [23].

Тем не менее уместно отметить и положительные тенденции в экономических взаимоотношениях Беларуси с Евросоюзом. За три года, предшествовавших расширению ЕС на восток, товарооборот с ним увеличился более чем в 2 раза. В середине 2006 года на долю этого интеграционного образования приходилось уже 50,4 % белорусского экспорта [24].

Евросоюз – крупный инвестор в белорусскую экономику. С участием капитала входящих в него стран к началу 2004 года было создано 719 (35 % общего числа) функционирующих предприятий с иностранными инвестициями, на долю которых приходилось 52,3 % их уставного фонда, что стало одним из главных источников поступления в страну твердой валюты и высоких технологий [25, с. 281]. В 2010 году в страны ЕС отправлялось уже 49,2 % белорусского экспорта.

Для европейских торговых партнеров привлекательны преимущества Беларуси как транзитной страны. Председатель правления Немецко-Белорусского экономического клуба К. Байер заявил, что «здесь очень важна международная кооперация». Он отметил, что многое зависит от того, удастся ли в Беларуси создать современную транспортно-логистическую систему, чтобы полностью использовать потенциал трансъевропейских коридоров.

В целом европейские предприниматели выражают заинтересованность в стабиль-

ном и либеральном бизнес-климате в Беларуси. Их (как и нас) озадачивает растущее несоответствие между векторами развития отношений в экономической и политической сферах, обусловленное, прежде всего, политическим остракизмом Республики Беларусь и угрозой экономических санкций против нее.

Таким образом, торгово-экономические приоритеты Беларуси – также «двуглавый орел», подобный российскому, но в более скромных масштабах и во многом – по иным мотивам. Что стоит за этим феноменом? Каков его историко-цивилизационный и социокультурный базис?

Позиционирование Беларуси в Европе вообще характеризуется существенной спецификой. Известный вопрос Р. Киплинга о России: «Самая западная из восточных или самая восточная из западных?» не в меньшей степени относится к Беларуси. С точки зрения геополитики двухполярного мира принадлежность Беларуси к «Востоку» не подвергалась сомнению. Однако в культурно-цивилизационном измерении устойчиво сохраняется двусмысленность: Беларусь то идентифицируется с Европой, то остается за ее пределами.

На наш взгляд, соответствие Беларуси основным параметрам средневропейских народов проявляется по следующим критериям: а) «максимум многообразия при минимуме жизненного пространства»; б) историческая общность культуры народов Средней Европы и вместе с тем водораздел ветвей христианской культуры; в) наследие хронических аутсайдеров великих держав; г) дефицит материально-энергетических ресурсов и вместе с тем наличие главного производительного ресурса – квалифицированного работника; д) основной театр военных действий прошедших и потенциальных мировых войн.

Такая ситуация для Беларуси – выражение одной из ипостасей фронта. Этот термин этимологически происходит от англ. frontier – «граница», когнитивно – от концепции фронта как «пограничья» между цивилизацией и «варварским» миром. В отличие от традиционной границы и во многом – в противоположность ей, смысловое значение «фронт» означает преодоление границы, переходное состояние. В современной трактовке фронт – это взаимопроникновение и противоречивое сочета-

ние различных культурно-цивилизационных практик в таких формах, как конфликт, симбиоз, предсинтез, синтез (интеграция) [26].

В состоянии фронта Беларусь пребывает и в наше время, что оборачивается непривычно трудоемкой проблемой и для России, и для Запада. Суть ее в том, что они имеют дело с новым, исторически вызревшим средневропейским политическим субъектом – суверенной Республикой Беларусь. Евросоюз не может примириться с тем, что наша страна, единственная в семействе народов Средней Европы, не вовлечена в эту структуру и, в отличие от Украины, не претендует на вхождение в нее, ограничиваясь двусторонним сотрудничеством с европейскими странами.

Беларуси и ряду других средневропейских государств, не являющихся членами ЕС, была предложена инициатива «Восточного партнерства», хотя ее целостной программы до сих пор нет. Однако «Восточное партнерство» оказалось «двуликим Янусом» (неслучайно его метко окрестили аббревиатурой БУМАГА – по первым буквам названий государств-участников). В Брюсселе его интерпретируют не как необходимую подсистему и этап воссоединения, а как пробный камень расширения Европы (не исключено – и с антироссийским прицелом). Об этом свидетельствует уже то, что первоначальная инициатива Швеции и Польши о «Центральноевропейском партнерстве» была отклонена. Это не просто подмена терминов, а различие принципиальное: или наши государства – «восточные», т.е. внешние для Евросоюза, или они, включая Беларусь, – «не сосед Европы, а европейский сосед», как говорил Л. Валенса. Ему вторит польский премьер-министр Д. Туск, по словам которого, «место Беларуси в европейской семье». Пока же мы остаемся только «соседями Европы», рассчитывать на реальную субъектность наших государств в этом альянсе не приходится.

Однако уклонение Беларуси от камуфляжа наличного «Восточного партнерства» не означает автоматического следования «промосковской ориентации». Гегель отмечал, что «самопознание народов состоит существенно в том, чтобы созерцать себя в других народах. Для этого они должны доказать, что являют собой самостоятельные народы» [9, с. 480]. Такое доказательство

демонстрирует Беларусь как суверенное государство. Минск добился решительного перелома в отношениях с Россией, убедил, что «Беларусь хочет быть с Россией, но не в России» (В. Астафьев), и теперь задача в том, чтобы наполнить реальным содержанием наш действительно братский Союз. Оптимально выполнить эту задачу Беларусь, почти лишенная сырьевых ресурсов, может лишь путем приоритетного формирования и мобилизации человеческого капитала.

Общепризнано, что «без интеллектуального суверенитета еще никому не удавалось занять достойное место в мировом сообществе» (Н. Косолапов). В этом аспекте рейтинг Беларуси – самый высокий среди государств СНГ, и она определяется как страна с одним из лучших достижений в группе стран с высоким уровнем человеческого развития [27]. Вместе с тем, судя по отчету Департамента экономического и социального развития ООН в феврале 2012 года, по Индексу развития электронного правительства Россия заняла 27-е место, Казахстан – 38-е, Беларусь – 61-е, Украина – 68-е [28].

О чем свидетельствует эта статистика? С точки зрения потребностей адаптации достижений информационной революции, нашей республике необходим качественный прорыв, прежде всего – преобразование человека труда традиционного (в основном конвейерного) производства в субъекта сложного труда 5-го и 6-го технологических укладов. Умножение человеческого капитала как главная цель модернизации наших стран сегодня не может быть делом того или иного самодостаточного государства.

В конечном счете, императив – не в рейтинговой конкурентоспособности, а в солидарности. Участие в евразийских интегративных структурах, являющееся необходимой предпосылкой модернизации наших стран, способна органично дополнить европейски ориентированная «интеграция интеграций», в которую уже вовлечены, в первую очередь, Россия, Беларусь и Казахстан.

Наша историческая судьба во многом специфична. Ныне происходит реанимация европейски ориентированной России, белорусской средневропейской природы и традиций, и наш общий выбор – в Европе.

От концепции к «дорожной карте»

Директор Института Европы РАН академик Н. Шмелев отмечает: «Поступательный ход европейской интеграции – общепризнанный факт... пока европейская интеграция является самой результативной во всех отношениях по сравнению с другими объединительными попытками в мире» [29, с. 6, 22]. На этом фоне стремительно набирает обороты интеграция в евразийском пространстве. Развиваясь параллельно, а порой – и отчужденно, мы в равной мере недооцениваем логику эволюции «больших пространств» (геополитических/геоэкономических, культурно-цивилизационных) и проигрываем двум другим известным центрам мировой силы и влияния.

Позитивная альтернатива в том, чтобы формировать действительно единую Европу.

Отмеченные фундаментальные предпосылки побуждают относиться к Европе не отвлеченно, а вовлеченно. Прежде всего, в концептуальном плане назрел окончательный отказ от установки на самодостаточность государств и их альянсов. Востребована переоценка такой целостной и динамической реальности, как культурно-цивилизационные пределы Европы и Евразии, понятий «Большая Европа», «Единая Европа», «европейская» и «евразийская интеграция» и т.п.

Необходимо акцентирование общности коренных интересов и ценностей наших народов и государств. Это диалектическое тождество, которое включает геополитические, геоэкономические и культурно-цивилизационные различия в пределах основного качества возводимого общеевропейского Дома. Говоря метафорически, он напоминает ассиметричные полушария головного мозга, способного нормально функционировать лишь в их единстве, взаимодополняемости. Трагический опыт Европы показал, что неоимперские амбиции и взаимные претензии на самодостаточность и «неузнавание» этих полушарий приводят к параличу «мозга», а в последней мировой и европейской катастрофе – к угрозе его гибели. Зжатые в конкурентной борьбе за гегемонию или лидерство между неевропейским «Западом» (США) и Новым Востоком (Китаем), европейские и евразий-

ские субъекты интеграции императивно должны строить свои отношения на основе привилегированного партнерства. Важно консенсусным путем определить способ взаимодействия заинтересованных субъектов в формате «интеграции интеграций», т.е. двух относительно самостоятельных и вместе с тем взаимозависимых подсистем общеевропейской интеграционной динамики.

Вопрос вопросов – об институциональной форме процесса. Евросоюз фактически является конфедерацией [30], и евразийские структуры также движутся в этом направлении. Идея интеграции интеграций может быть материализована инновационным способом как конфедерация конфедераций. Она будет соответствовать своим единым целям и смыслом, предполагать делегирование полномочий всех субъектов координационным органам для решения общих задач и вместе с тем, по формуле «Европы отечеств», позволит устойчиво сохранять и воспроизводить «самостояние», национальный суверенитет каждого из них.

Оптимум интеграции интеграций можно представить по Аристотелю как меру: «середины между слишком много и слишком мало». С большой долей условности ее уместно уподобить поведению ежей в высокогорных американских Аппалачах. С наступлением холода они жмутся друг к другу, ранят нежную кожу колючками, разбегаются, снова мерзнут, наконец сближаются, но так, чтобы не поранить друг друга, и тем самым обеспечивают свою жизнеспособность и готовность к очередному жизненному циклу.

Решившись на интеграцию интеграций, от идеи резонно продвигаться к проекту конфедерации конфедераций.

Если этот процесс будет результативным, главное – не ограничиваться декларациями «о намерениях», а практически воплотить Декларацию взаимозависимости в солидарных совместных действиях. Но наши эксперты «диалектику учили не по Гегелю». А классик научает последовательности в человеческой деятельности как взаимосвязи между «решить» и «решиться» [9, с. 78]. Если первое означает ограничение результатами деятельности совокупного интеллекта, второе подразумевает реализацию политической воли. В связи с

этим уместно напомнить заявление одного из лидеров Евросоюза премьер-министра Люксембурга Ж.-К. Юнкера: «Если мы скажем «да», то мы продолжаем, если «нет», то мы скажем, что также продолжаем».

Это поучительный урок и для нас. «Собирание» постсоветского пространства фактически началась с Союзного государства Беларуси и России, и наша страна – одна из трех, которые интенсивно строят ТС, ЕЭП и Евразийский союз. Это не означает недооценки субъектности Республики Беларусь, ее государственного суверенитета, национально-государственной безопасности. Напротив, слегка преобразовав мысль Ч. Сноу и выражение М. Твена, можно утверждать, что слухи о смерти государства и его суверенитета в условиях глобализации сильно преувеличены. Государства остаются значимыми «игроками» в новой системе

взаимосвязей в той мере, которая обусловлена не столько их масштабами и геоэкономическим весом, сколько способностью к адаптации и пассионарностью. «Признаки такой модели, – отмечает российский эксперт, – можно заметить в политической практике государств, которые борются за сохранение собственного «Я» в мировой системе, ощущают себя достойными своего будущего. Среди развитых стран – это Канада, Норвегия, Япония. Среди развивающихся – Россия, Беларусь...» [31, с. 197].

Таков перспективный смысл и идеи «интеграции интеграций». Если наше время – вновь «собирать камни» общеевропейского Дома, то его адекватная структура – не «единая» (читай – западноевропейская), а триединая Европа, неделимая в общности интересов, ценностей и судеб Европейского континента. ▀

ЛИТЕРАТУРА

1. Путин, В.В. Новый интеграционный проект для Евразии – будущее, которое рождается сегодня / В.В. Путин // Известия. – 2011. – 4 октября.
2. Лукашенко, А.Г. О судьбах нашей интеграции / А.Г. Лукашенко // Известия. – 2011. – 17 октября
3. Александр Лукашенко принял участие в мероприятиях, посвященных 1150-летию города Полоцка [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.president.gov.by/press134411.html>. – Дата доступа: 17.06.2013.
4. Левяш, И.Я. Средняя Европа: структура и геополитический выбор / И.Я. Левяш // Полис. – 1995. – № 1. – С. 44–52; Он же. Дилемма «расширение/объединение» Европы // Европа. – Варшава, 2006. – № 3 (20). – С. 29–60; Он же. К двадцатилетию СНГ // Свободная мысль. – 2011. – № 2. – С. 21–36; Он же. Глобальный мир и геополитика: культурно-цивилизационное измерение: в 2 т. – Минск: Беларуская навука, 2012. – Т. 2. – Ч. 6: разделы 4, 5. – С. 69–101.
5. Лукашенко, А.Г. Внешняя политика Республики Беларусь в новом мире: доклад на совещании с руководителями загранучреждений / А.Г. Лукашенко // Советская Белоруссия. – 2004. – 23 июля.
6. Криштапович, Л., Филиппов, А. Стратегия взаимодействия. Белорусско-китайское партнерство и интеграция / Л. Криштапович, А. Филиппов // Беларуская думка. – 2012. – № 1. – С. 28–32.
7. Ильяш, И. Александр Милинкевич: «Мы не евразийцы, мы – европейцы» / И. Ильяш // Белорусы и рынок. – 2012. – 16–22 января.
8. Лепешко, Б. Судьбы империй и имперское мышление / Б. Лепешко // Беларуская думка. – 2011. – № 12. – С. 18–25.
9. Гегель, Г.В.Ф. Философия права / Г.В.Ф. Гегель – М.: Мысль, 1990.
10. Макиавелли, Н. Государь // Жизнь Н. Макиавелли / Н. Макиавелли. – Л.: Лен-издат, 1993.
11. Польская и русская душа: антология. – Варшава: Польский институт межд. дел, 2003.
12. Ницше, Ф. Сочинения: в 2 т. / Ф. Ницше. – Т.1. – М.: Рипол классик, 1998.
13. Достоевский, Ф.М. Подросток / Ф.М. Достоевский // Полн. собр. соч.: в 30 т. – Т. 13. – Л.: Наука, 1975.
14. Бердяев, Н. Философия творчества, культуры и искусства: в 2 т. / Н. Бердяев. – Т. 2: Мирозерцание Достоевского. – М.: Искусство, 1994.
15. Достоевский, Ф. Политическое завещание: сб. статей за 1861–1881 гг. / Ф. Достоевский. – М.: Алгоритм, Эксмо, 2006. – 197 с.
16. Левяш, И.Я. Культурология / И.Я. Левяш. – 5-е изд. – М.: Айрис-пресс, 2004.
17. Нестабильность мировой экономики: возможные вызовы развитию России (ред. статья) // Современная Европа. – 2012. – № 1.
18. Иноземцев, В. Глобальная экономика – 2008: ощущение неопределенности / В. Иноземцев // Свободная мысль. – 2008. – № 1. – С. 61–74.
19. Будущее евро: кризис и перспективы – взгляд из Германии и России (круглый стол) // Современная Европа. – 2011. – № 2.
20. Международный журнал социальных наук. – М.: ЮНЕСКО, 2000. – № 30.
21. Европейский союз на пороге XXI века. – М.: УРСС, 2001.
22. Гаджиев, К.С. Геополитика / К.С. Гаджиев – М.: Прогресс, 1997.
23. Белорусы и рынок. – 2011. – 19–25 декабря.
24. БелГазета. 2006. – 13 марта.
25. Севрюкова, К.Н. Республика Беларусь на границе расширения ЕС: барьер на пути развития или новые горизонты / К.Н. Севрюкова // Расширение Евросоюза и Республика Беларусь на новой границе: материалы Междунар. науч.-практ. конф., Минск, 18–19 мая 2004 г. – Часть II. – Минск, 2004.
26. Левяш, И.Я. Открытое общество: от границы к фронтиру / И.Я. Левяш // Социологический альманах. – 2011. – № 2. – С. 69–80.
27. Червяков, А., Грибоедова, И. Консолидация решает все / А. Червяков, И. Грибоедова // Беларуская думка. – 2012. – № 1. – С. 42–49.
28. Страны бывшего СССР в мировом рейтинге развития электронного правительства ООН в 2012 г. // Отчет Департамента экономического и социального развития ООН «United Nations e-Government Survey 2012. E-Government for the People». – 2012. – Февраль.
29. Шмелев, Н.П., Федоров, В.П. Евросоюз – Россия: мера сотрудничества / Н.П. Шмелев, В.П. Федоров // Современная Европа. – 2011. – № 2.
30. Основы теории и практики федерализма: пособие для студентов высш. учеб. заведений. – Лёвен (Бельгия), Институт европейской политики, 1999.
31. Пономарева, Е. Суверенитет в условиях глобализации / Е. Пономарева // Свободная мысль. – 2007. – № 11.